

УДК 93:101:«625»(045)

А.В. Александрова

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ФИЛОСОФИЯ, И ФИЛОСОФИЯ КАК ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
(ЗАМЕТКИ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ИЗУЧЕНИЕ КУРСА «АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ»)**

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы о месте античного философского наследия в историко-философском процессе, об отношении философии и истории философии.

Ключевые слова: философия, история философии, античная философия, миф, фюсис, логос, алетейя.

Введение

В качестве учебной дисциплины история философии в планах философского факультета начинается с изучения философии Древнего мира. В связи с этим у первокурсников априори складывается предубеждение, что теоретическое наследие Гераклита, Платона, Аристотеля, Прокла для философии подобно арифметическим азам для высшей математики или низшим ступенькам образовательной школы. Иначе говоря, настоящая философия начнется позже, скажем, с И. Канта, Ф. Ницше и С. Кьеркегора, а уж высшим теоретическим пилотажем обладает только современная философия (конца XX и XXI ст.). Поэтому возникает желание экстерном («по быстрому») одолеть курс философии Античности, ведь дальше будет и актуальнее, а следовательно, интереснее. То, что это не так, или не совсем так, надеюсь, очевидно для думающего и теоретически грамотного специалиста. М.Хайдеггер в этой связи заметил: «Отвлекаясь от всех частных этой нелепицы, которая состоит в понимании начала европейской философии как чего-то примитивного, следует сказать: данное толкование забывает, что речь идет о философии, о том, что принадлежит к немногим великим деяниям человека. Но все великое и начинаться может только с величия. А начало в великом всегда есть даже величайшее... Великое начинается с величия, сохраняет себя только в свободном возвращении величия и, будучи действительно великим, величественно и умирает. Так обстоит дело с философией греков» [1, с.100]. Но как строить соответствующий курс, с чего начинать знакомство студентов с античной философией, стремясь показать не только глубину, неизбывную щедрость и современность ее мысли – это необходимая черта всякой подлинной философии; не только заинтересованность лучших философских умов разных эпох в изучении и исследовании ее наследия. Но хотя бы в первом приближении продемонстрировать формулирование античным сознанием вопросов, заложивших плоскость философской рефлексии на века, заметив, что если и возникает со временем изменение в интересе философского исследования, то и это благодаря соизмеримости со все той же традицией. Кроме того, следует помочь обнаружить специфику исторического мировосприятия, необходимого для возникновения философского мышления; обозначить, почему в Античности философия по существу начинается как метафизика, и в греческом контексте метафизика служит для именованья философии. Теоретически выразить различие между философом и нефилософом, наметить роль философии в судьбе

человека, а также знаковость человека в судьбе философии. Основываясь на дошедших до нас оригинальных текстах или фрагментах, проследить логическую последовательность образования философских понятий... И все это – привлекая для обсуждения мыслителей разных эпох, в исследованиях которых теоретически реконструировалось философское достояние Античности и концептуально конструируясь феномен античной философии в историческом контексте. Разумеется, ответом на сформулированные или пока еще не сформулированные вопросы может стать содержание и общая направленность лекций и семинаров в курсе античной философии, однако и вступительная лекция должна не просто затронуть, но проблемно заострить эти вопросы.

Разумеется, каждый, работающий в области истории философии, для корректного разрешения поставленных задач обращается к своим теоретическим авторитетам и волен иметь свои философские предпочтения. Автору статьи по ряду вопросов античного философствования близка теоретическая аргументация разных философов, среди которых М.Хайдеггер, А. Лосев, М.Мамардашвили. Приняты также ко вниманию работы Ю. Шичалина, Х.Теслеффа, И.Дюринга, предложивших «константы новой парадигмы» [2] изучения античного философского наследия и т. д.

Основная часть

Начать наш разговор об античной философии хотелось бы с обещания, которое М.Мамардашвили давал своим слушателям: «Я попытаюсь прочитать вам курс по истории философии так, чтобы это было в какой-то степени философией» [3, с.37]. Чтобы направить луч света на феномен философии, историю возникновения которой мы собираемся изучать.

...Заманчиво начать изложение предмета с четкого и лапидарного определения. Но, увы(!), в отличие от науки, философия такого иметь не может. «Философия выступает и выглядит как наука, не будучи таковой. Философия кажется похожей на мировоззренческую проповедь, тоже не будучи ею...Если философия предстает в виде науки, то нам не уйти от мировоззрения. Философия выглядит научным обоснованием и описанием мировоззрения, будучи, однако, чем-то иным», – пишет М. Хайдеггер, добавляя, что часто она навязывается обывательским мышлением человеку в «разнообразных обманчивых видах или еще и надевает маски» [4, с.123-124]. Так что опознать философию способен только тот, «кто интимно с нею сроднился, т. е. вкладывает в нее все

силы"[там же, с.124]. {Следовательно, никто и никому не может заранее гарантировать успешность такого сродства. Потому и статус преподавателя или студента – здесь – весьма относителен. Можно напомнить, что Сократ, которого и его непосредственные ученики, и последователи считали образцовым учителем, не раз заявлял, что он не учитель и не воспитатель, а его слушатели – только собеседники. И кто знает, возможно, в этом заключена не излишняя скромность мыслителя, а осознание им действительного положения вещей в философствовании?}. Но если философию нельзя определить, не нанося вред ее сущности, то попробуем через характеристики обозначить ее.

Что объединяет философов в их философствовании? Прежде всего, трансцендирование, т.е. выход за наглядность и естественную изменчивость окружающего мира на уровень его основ, на уровень Бытия. Поэтому философия – это учение о Бытии, о том "одном", без которого невозможно, – как утверждал Платон в "Пармениде", – "многое", и причем только так это "одно" в реальности и существует. К примеру, закон "стольности" – один; в чувственном мире он раз-множен в физические столы различных фирм, форм, расцветок, дизайнов и пр. Тем не менее "одно" как закон присутствует в каждом из них. Но узреть "одно" можно лишь находясь за границей очевидности и разнообразия его чувственных проявлений. И тем самым мыслитель выходит (или выводит себя) за грань явления в трансцендентное, то есть – к сущности. Отсюда, – философия – это стремление к сущности. {"...До сущности протекших дней, /до их причины,/ до оснований, до корней,/ до сердцевины..."}[5, с.440]. Но движение к сущности не предполагает физически ни ход, ни выход, но – мышление. Правда, имеется в виду не произвольное "порхание", перескакивание мысли с одного предмета на другой, а "чудо мышления". Итак, философия – это "чудо мышления", в котором мышление связано с Бытием; связано со-знанием Бытия, фиксацией сущности существующего в целом. Согласно Хайдеггеру, философия – это усилие мысли в состоянии вопрошания о Бытии; "она есть мышление в предельных вбирающих понятиях, спрашивание, которое в каждом вопросе, а не только в конечном итоге спрашивает о целом" [4, с.125]. Мышление в качестве состояния, связанного с Бытием, является условием других человеческих состояний. "Вот в качестве такового оно и есть предмет философии. Благодаря этому и появилась в свое время в философии идея, выражающая тождество мышления и бытия. Это одна из начальных формул философствования"[6,с.60].

Говоря о характеристиках философии, нельзя не сказать о человеке. Ведь без человека не существует ни "бытия", ни "мышления". Но и без понимания сущности, закона, бытия и мышления человек также еще не вполне человек. Поэтому, говоря о философии, мы выходим на человека, но, разумеется, не как на природное существо, а на человека в действительности своего человеческого существования, на человека, ищущего путь к трансцендентному. Таким образом, философия превращается в инструмент действительности человека, человеческого

само-осуществления или само-бытия. До само-бытия человеческое существование поднимается (восходит), когда собственное бытие становится предметом человеческой заботы; когда сущностные основания переходят в поступок, тогда само-бытие (к которому индивида никто не принуждает!) открывается как свобода, а сам человек в поступке предстает как личность. Поэтому не удивительно, что философия называет свободой внутреннюю потребность человека в самобытии как осуществлении своего сущностного предназначения. Так, "в философии мы имеем дело с категорией личностных поступков... Только при восприятии слова "личность" нужно избавиться от всех обыденных ассоциаций, которые автоматически приходят нам в голову и при этом организованы вокруг экзальтирования индивидуальных отличий" [там же, – с.61]. В таком контексте личность – это свобода сущности мыслить и действовать, а свобода – это дело личности.

Итак, философия – это учение о бытии, сущности, мышлении и личности как свободе самобытия. К ним можно добавить еще одну характеристику немецкого мыслителя и поэта Фридриха Новалиса, которую любил интерпретировать М.Хайдеггер: "Философствование – это ностальгия". Буквально "nostalgos" с греческого переводится: nostos – возвращение; algos – боль. Относительно философии – это возвращение к своим корням, к Бытию, поиск того, что позволяет присутствующему стать тем, чем оно может быть. Не случайно М. Хайдеггер переводит это греческое слово как "вопрошание о доме".

Эллинская философия, иначе – философия классики, начинается с поиска самосущего корня всего, природы существующего. Скажем, для Гераклита – это Огонь, но, разумеется, не химическая реакция окисления, а божественный "огонь-логос", который лежит в основе всего разнообразия окружающего мира: реки, деревья, птицы, человека... и только в том числе – обычного огня. Убежденность в существовании некоей особой самовозрастающей субстанции в понимании греческих философов объединяет их, однако называют ее разными именами: "Вода", "Огонь", "Апейрон" и пр. Так формируется одно из первых философских понятий Античности "Природа" или по-гречески "Фюсис", которым греки стремились поймать мыслью бытие. Исследованию "фюсис" большое внимание уделяет М.Хайдеггер во "Вступлении к метафизике", "Курсе лекций "Основные понятия метафизики", "Holzwege". "Дерево и трава, орел и бык, змея и цикада впервые входят в свое отличное от всего обличье и таким образом обнаруживают себя в качестве того, что они суть. Само это выхождение наружу и раскрытие в целом греки издавна называли "фюсис" [7, с.31]. Фюсис – это само бытие, силой которого сущее впервые становится наблюдаемым и пребывает. "Оно означает из самого себя восхождение, прорастание (например, прорастание розы), постепенное самораскрытие, вхождение в этом раскрытии в явь и остановку и пребывание в ней, короче говоря, восходяще-пребывающее властвование... В этом восходяще-пребывающем властвовании заключается как становление, так и бытие, в суженном смысле неподвижного упорствования. "Фюсис" означает

вос-ставать, выводить себя из сокрытого и только так приводить оное к стоянию”[1, с.98,99]. В подобных характеристиках “фюсис” предстает не просто как субстанция, но, прежде всего, как действующая субстанция, ибо она несет в себе возникновение, выведение себя из потаенности в состояние присутствия. Поэтому для греков “фюсис” есть самообразующееся владычество сущего в целом; это “природа”, обеспечивающая возникновение, возрастание и развитие всего существующего. Здесь “природа” понималась как принцип становления и развития всего существующего, всякого явления, причем не только природы, понимаемой как “натуры”, то есть рек, лесов, животных..., но природы-принципа ВСЕГО, например, поэзии и музыки, подвига и преступления, какого-либо теоретического вопроса и театра, и пр. Поэтому ограничение античных “физиологов” их потомками лишь натурфилософской проблематикой, и именование их уже в новоевропейском смысле “натурфилософами” вело к упрощению и обеднению исторического наследия философии ранней классики.

Это, по-видимому, следует принять к сведению не только историкам философии (ради торжества теоретической справедливости), но и “чистым философам”, в частности, занимающихся проблемой человека или исследованием его “фюсис”. Ведь человек также подвластен “фюсису”. Но “фюсис” человека не исчерпывается “натурой” последнего. Тем-то он и отличается от зерна, зайчика, соловья. У последних “фюсис”, то есть состояние, в котором они должны пребывать, исчерпывается их “натурой”; с “фюсисом” же человека – сложнее; человеку (прежде всего, как социальному существу) самому предстоит вытягивать из себя заложенный “фюсис”, выводя себя в сущностное состояние личности как свободы. Для философа искомое состояние есть сущностным вопрошанием о трансцендентном, сопровождаемое сущностным поступком. Причем в самой античной философии вопрос о сущностном, иначе говоря, личностном бытии человека, не только не решается, но и не мог быть сформулирован. Об этом не уставал напоминать А. Лосев, анализируя мировоззренческую специфику Античности в “Очерках античного символизма и мифологии”, в восьмитомнике “История античной эстетики”, в двухтомнике “История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития”, ряде статей и интервью. Почему же античная культура в своей чувственно-антропоморфной форме была внеличностной? Потому что для греков был внеличностным абсолютом, космос. Однако если космос – это абсолютное божество, и оно, естественно, безлично, то и философского осмысления человеческой личности в период античной классики быть не может. Кто не понимает этого, тому “нечего делать в античной культуре”, – предупреждал философ. Говоря о личностном становлении человека, что “это не античная тема”, А. Лосев не мог не коснуться ее, анализируя сдвиги в более позднем эллинистически-римском сознании, когда возникает “дифференцированная личность”, [8, с.749-750, 29], и однозначно подчеркнуть сугубо личностный характер европейской культуры христианского Средневековья. Поэтому не исключено, что потенциал

эллинистического “фюсиса” позволил в последующие эпохи осознать “природу” личности и сформулировать ее как принцип действительно человеческого становления и развития...

Если хотят подчеркнуть прозренческую силу греческой мудрости, вспоминают: философия начинается с удивления. Однако часто забывают уточнить, что не всякое удивление предстает философским. Удивление, близкое философии, ведет к вопрошанию о трансцендентном, то есть о природе сущего, о “фюсисе” как о законе бытия сущего; по-гречески – это “логос”. Следовательно, философское удивление открывает “логос”, согласно которому существует как мир в целом, так и нечто в отдельности. Поэтому следующее понятие греческой философии – “Логос”. Как известно, оно имеет более полутора сот значений. Но самыми фундаментальными для философского сознания были обозначение им (логосом) “закона бытия” и значение “слова”. Интересно, что “логос” как закон предстает сердцевинной бытия, а “логос” как слово есть сердцевина понятия и языка. Вот почему “логос” выступает в качестве единого закона и бытия, и мышления. Если “слово” знает “закон”, то знающий слово (логос), знает закон бытия, то есть при-сущего. Вспомним пример со столами. В разнообразных столах мы узнаем “стольность” в качестве единого закона их созидания, использования и понимания. Таким образом, “фюсис” открывается в “логосе” и становится несокрытым. “Логос” – это сказывание непотаенного”(М.Хайдеггер), а “добычу”, которую логосом предстоит вытянуть из потаенного или неочевидного, греки называли “Алетейя”. Этимология слова “а-Летейя” обозначает то, что вне реки Лета, несмываемо ее водами, что неподвластно забвению, что вступает в вечность. В контексте древнегреческого понимания “алетейя” – это “истина”, однако содержание этого понятия динамично и претерпело нюансировку на протяжении философии классики. Но сейчас важно следующее: все, что совершается в “логосе”, это дело философии, для которой “фюсис” предстает потаенной природой; “логос” – закон, в котором заключена тайна природы; “алетейя” есть истина, добыча логоса, то есть философствования.

...Где же историческое начало философствования или “вопрошания о доме”? Возможно, – в разложении мифа. Миф исследуется науками, литературой и искусством в разных аспектах. Мы остановимся на античном мифе как преддверии философии... Вот что говорит А. Лосев в одном из своих последних интервью: “Меня всегда влекла к себе мифология. Но не в беллетристическом смысле, а как тип сознания, всегда во все времена присущий человеку. В античности мифология проявляет себя наиболее открыто. В ранний период древнегреческой культуры, который всегда называют “мифологическим”, миф выступал вообще вне всякой рефлексии, и лишь потом, в эпоху досократиков и высокой классики (Платон и Аристотель), миф стал осознаваться античными мыслителями. Что же касается неоплатонизма, то здесь мифосознание уже на рефлексивной основе расцветает необычайно. Вообще для интересующегося мифологией античность с ее до-

ведением мифа до телесного утверждения (боги-то ведь абсолютно телесны; они едят, пьют, чувствуют боль от ран) представляет уникальную возможность размышления и познания"[9, с. 81].

Как видим, в заявленном аспекте миф предстает не как литературный жанр, не сказка, не произвольное фантазирование, поскольку в последних (даже у Гомера) уже присутствует критическое, а порой и насмешливое отношение к изображаемым событиям, а следовательно, несет в том числе и дидактическую нагрузку. Для античного мировосприятия миф предстает, во-первых, как определенное мироощущение, в котором божество, демоны и герои рядом и предстают как реально-идеальные воплощения одновременно. А. Лосев настаивает: "Миф – не идеален, но действителен. Реальное в нем не пример, не иллюстрация, не аллегория, но – единственная и подлинная действительность. Миф – не символизирует что-нибудь, но сам есть непосредственно осуществляемая действительность. То, что он обозначает, это и есть он сам. Обозначаемое и обозначающее в нем – абсолютно и нумерически тождественны"[10, с.489]. Так, Эгейское море – это и Посейдон и водная стихия. Причем Посейдон здесь пока еще не символ моря, а само море, но в "идеальной" ипостаси. Во-вторых, миф – это повествование, в которое человеком помещаются некие события. После Троянской войны Одиссей десять лет блуждает Эгейским морем в поисках своей Итаки. По убеждению Гомера, это месть Посейдона за ослепление Одиссеем его сына, одноглазого циклопа Полифема. Так, в мифологическом контексте: "...событие превращено в чудо, а история – в мистирию"[11, с.125]. Тем самым, в-третьих, миф объясняет и событие, и человека, устанавливая меру между человеком и тем, что его интересует. Для раннеантичной мысли вопрос: "Что такое молния?", вполне удовлетворяет ответ: "Молния – стрела Зевса". В-четвертых, миф выступает проекцией родовых отношений на окружающий мир... Таким образом, миф свидетельствует об историческом мироощущении (сознательно избегаю слов "мифосознание" и "мифоотношение", поскольку о-со-знание, которое в качестве отношения уже предполагает противостояние человека и мира как "я" и "не-я" и занимает философию, еще не ко времени) как первой попытке мышления событий и вещей. Наконец, в-пятых: "...миф – это упакованная в образах и метафорах и мифических существах многотысячелетняя коллективная и безымянная традиция"[3, с.38].

Исходя из этого, М.Мамардашвили предположил, что миф – это одна организация мира, а философия – другая. В чем же их отличие? В том, что мир мифа понятный и беспроблемный, а мир философии – это проблема. Разумеется, беспроблемность мировосприятия в мифе не означает для человека легкости и безболезненности его переживания. Просто человек слишком погружен в мир, и мир для него пока безальтернативен. Поэтому даже возможность смерти в межродовых столкновениях для человека подобна листопаду как осеннему явлению, благодаря которому деревья (читай – род) переживают зиму (читай – социальное лихолетье) ценой утраты своих некоторых членов. Погружен-

ность в космос как мировой порядок формирует уверенность, что космос создает, но сам и решает вопросы, грозящие миру хаосом.

Когда же родовые отношения уступают место рабовладельческому, формируется и усиливается процесс индивидуации, который сопровождает рефлексия над бытием, со-знание мира как отношения и неизбежное о-сознание себя в качестве "я". Так, на фоне мифа рождается миросознание с элементами философствования. Первый европейский опыт – это античная философия как рефлексия над мифом.

Теперь обратимся к человеку думающему, к философу. Кто он? Одну из первых характеристик философу дает Пифагор, говоря, что он не стремится ни завоевать себе славу на олимпийских состязаниях, ни преуспеть в торговле, чтобы извлечь прибыль. Такие люди – и они не из худших! – "не ищут... никакой выгоды: они хотят лишь посмотреть, каким образом и зачем делается то-то и то-то, они хотят быть попросту наблюдающими жизнь... чтобы вернее судить о ней..."[12, с.175]. И Пифагор, и Гераклит отмечали, что философ есть "нечто особенное". Как видим, очень осторожные объяснения нового феномена. Платон в диалоге "Государство" несравненно более четок, раскрывая необходимую природу и свойства души, которые не могут быть не присущими философам, особо он останавливается на "жажде мудрости". Однако к ним не относятся просто "охотники до зрелищ", хотя, на первый взгляд, им тоже "доставляет радость узнать что-либо новое. Совершенно нелепо причислять к философам любителей слушать: их нисколько не тянет к такого рода беседам, где что-нибудь обсуждается, зато, словно их кто подрядил слушать все хоры, они бегают на празднества в честь Диониса, не пропуская ни городских Дионисий, ни сельских" [13, с.255].

Истинные философы – те, кто "любит усматривать истину" [там же]. Но что такое истина? – Знание вечно пребывающего "тождественным себе и совершенно несмешанным" [там же. – С.68], то есть знание "одного". "Кто любит слушать и смотреть, те радуются прекрасным звукам, краскам, очертаниям, и всему производному от этого, но их духовный взор не способен видеть природу красоты самой по себе и радоваться ей" [там же. – С.256]. Они далеки от истины, и любят "множественное и пестрое". Другие способны видеть единое и общее, любить и созерцать природу прекрасного самого по себе, охватывать мысленным взором целокупность времени и бытия, то есть философствовать. "...тех, кто ценит все существующее само по себе, должно называть любителями мудрости, а не любителями мнений"[там же. – С.261]. Философ – единственный "мыслит знанием", а не мнением как фило-докс. Но именно мнение последнего в качестве "нормального" человека рассматривается в обществе как общепринятое, а следовательно, истинное. Этот нормальный человек, по словам Хайдеггера, принимает свои маленькие приятства, за мерило того, что должно считаться радостью. Этот нормальный человек принимает свои худосочные испуги за мерило того, что следует расценивать как страх и ужас. Этот нормальный человек принимает свой сытый

комфорт за мірило того, що може считатися забезпеченістю і відповідно необезпеченістю. Очевидну різницю, констатує Платон, між філософствующим і нефілософствующим – як між бодрствованием і грезой. “Філософія єсть бодрствующее присутствие... несравнимо самостоятельное... Гегель характеризує філософію як мир навиворот. Он хоче сказати, що по відношенню к тому, що нормально для нормального человека, она воспринимается как извращение, но по существу єсть выпрямление человеческого бытия” [4, с.131, 132] к сердцевине, к сущности бытия в целом. Следовательно, философия єсть особый род присутствия, который своим вопрошанием о бытии, позволяет всему, в том числе и человеку стать тем, кем он должен быть. Однако, философия – это испытание мира его бытийностью и человека на сущность его существования. Потому-то никто не знает заранее, чем может стать человек, изгнавший себя из повседневности и погруживший себя в самую основу вещей. В этом состоянии метафизического вопрошания действующим лицом уже єсть не некая “нормальность” и “посредственность”, а само существо человека, которое обнаруживает себя и утверждает в качестве личности. Или, как говорили философы-богословы христианского Средневековья, – это открытие в себе “внутреннего человека” или образ Бога в душе. В этом обнаруживается сознательное подчинение всего себя, “захваченность” человека желанием “стать тем, что он єсть” (М.Хайдеггер). Поэтому философ не случаен и многотруден, а потому, по мысли Платона, философ – большая редкость. Ибо именно он єсть тот, кто создает пространство не конвенции, а вопрошающего понимания сущности, бытия..

В таком контексте история философии в качестве памяти о состоявшемся философствовании єсть шанс и способ присоединения к состоянию фундаментального вопрошания и подлинному усилению мысли Платона, Гегеля, Хайдеггера и пр., а также входение в созданное ими пространство понимания. Разумеется история философии не исчерпывается собранием текстов в библиотеке или ресурсом интернета. Там они останутся мертвыми сокровищами, если не будут востребованы и вовлечены в состояние плодотворного вопрошания, которым они возвращаются из философского небытия. И в таком интеллектуальном воскрешении текста будет биться пульс мысли не только Платона, но и того, кто его читает. А поскольку ни одну книгу, как писал Борхес, нельзя прочесть дважды, постольку как и философия, так и история философии никогда не имела (и не будет иметь!) единственного Платона, Аристотеля или Хайдеггера. Последним дать жизнь может только новое философствование, акт которого, несмотря на общие закономерности, всегда индивидуален и не содержится в понятии. А также – личностная психология восприятия текста. Так формулируется еще одно обозначение философии. Философия єсть всегда дополнительный акт мысленного усилия, предварающий извлечение смысла. Отсюда – неисчерпаемость философской интерпретации и необходимость каждый раз нового усилия мысли, направленного на понимание текста.

Зачинатель неоплатонизма Плотин, отказываясь от попыток определить философию, подчеркивал, что “философия єсть самое главное”. Но в этих словах невольно улавливается не только гордость мыслителя, но и великая боязнь – не состояться. Не состояться философскому вопрошанию, а в нем не состояться и самому человеку. “Никто из познающих не стоит каждый момент так тесно к краю ошибки, как философствующий. Кто этого еще не понял, тому никогда и не мерещилось, что по-настоящему называется философствованием. Последнее и предельное єсть самое опасное и необеспеченное...” [там же. – С.130]. М. Хайдеггер напоминает об этом, замечая, что в угаре идеи философии как абсолютного знания люди обычно забывают об этом опасном соседе философствования, а ведь подлинная философия так далека от “успокоенности и обеспеченности” [там же].

Выводы

Можно утверждать, что первый осознанный опыт усиления мысли, состоявшийся в Античности, стал той неопределимой, полной и достоверной “информацией к размышлению” о метафизическом вопрошании как возможном пути к открытию сущности и бытия, а также и высокой планкой для последующих занятий философией.

Историей философии философия объединяет все философские традиции в единство теоретико-культурного пространства, плодотворной полемикой в котором обнаруживается истина. А она, согласно К.Ясперсу, єсть результат “философствования сообща”. В таком совместном продумывании опыта Античности должны присутствовать совместная разработка наследия не только в историко-философском, но также историко-филологическом и историко-литературном направлениях. Все это позволит воссоздавать целостность модели эллинико-эллинистического философствования в течение многих веков [2].

Поэтому история философии это “не столько пропедевтика философии или сборник иллюстраций философских вопросов и проблем, она єсть философия как таковая *par excellence*, неотъемлемую часть которой составляет историзм. История философии останавливается там, где останавливается сегодняшняя философия. История философии поглощает философию, поскольку философия продолжает развиваться” [14].

Список литературы

1. Хайдеггер М. Введение в философию / Мартин Хайдеггер. – СПб.: “Высшая религиозно-философская школа”, 1998, – 332с.
2. Шичалин Ю.А. Платон и *Corpus Platonicum*: константы новой парадигмы / Ю.А.Шичалин // Вопросы философии. – 2015. – №8.
3. Мамардашвили М. Появление философии на фоне мифа / Мераб Мамардашвили // Мой опыт нетипичен. – СПб.: Азбука, 2000. – 400 с.
4. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики / Мартин Хайдеггер // Вопросы философии. 1989. – №9. – С.116-163.
5. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы / Борис Пастернак. – М.: Классики и современность, – 1988. – 511с.
6. Мамардашвили М. Трансценденция и бытие / М. Мамардашвили // Мой опыт нетипичен. – СПб.: Азбука, 2000. – 400 с.
7. Heidegger M. *Holzwege* / M. Heidegger. – Frankfurt a.M., Klostermann, 1963.

8. Лосев А.Ф. История античной эстетики. В восьми томах. Ранний эллинизм. Т.5. /А.Ф.Лосев. – М.: Искусство, 1979.

9. Лосев А.Ф. Что дает Античность? (диалог с профессором Лосевым) / А.Ф.Лосев //Литературная учеба. – 1986. – №6. – С.81-88.

10. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии /А.Ф.Лосев. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.

11. Лосев А.Ф. История античной эстетики. В восьми томах. Ранняя классика. Т.1. /А.Ф.Лосев. – М.: Высшая школа, 1963. – 583 с.

12. Монтень М. О воспитании детей / Мишель Монтень // Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Т.1. – М.: Голос, 1992. – 384 с.

13. Платон. Государство /Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.3. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.

14. Ажимов Ф.Е. Философия: история или теория. Заметки о специфике истории философии /Ф.Е.Ажимов// Вопросы философии. 2014. – №10.

О. Александрова

ІСТОРІЯ ФІЛОСОФІЇ ЯК ФІЛОСОФІЯ, І ФІЛОСОФІЯ ЯК ІСТОРІЯ ФІЛОСОФІЇ (НОТАТКИ ДЛЯ ПОЧАТКІВЦІВ ЩОДО ВИВЧЕННЯ КУРСУ “АНТИЧНА ФІЛОСОФІЯ”)

У статті розглянуті питання про місце античної філософської спадщини в історико-філософському просторі, про зв'язок філософії та історії філософії.

Ключові слова: філософія, історія філософії, антична філософія, міф, фюсис, логос, алетейя.

O. Aleksandrova

THE HISTORY OF PHILOSOPHY AS PHILOSOPHY, PHILOSOPHY AS THE HISTORY OF PHILOSOPHY (NOTES FOR BEGINNERS LEARNING THE COURSE “ANTIQUA PHILOSOPHY”)

This article examines the questions about the place of the antique philosophical heritage in the history of philosophy, the relation of philosophy and history of philosophy.

Keywords: philosophy, history of philosophy, antique philosophy, myth, physis, logos, aletheia.

УДК 168.5:319.8

Л.Г. Дротянко

НАУКА ЯК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРИ У ФІЛОСОФСЬКІЙ СПАДЩИНІ С.Б. КРИМСЬКОГО

Навчально-науковий Гуманітарний інститут
Національного авіаційного університету

Анотація. У статті досліджуються соціокультурні, антропологічні, праксеологічні аспекти функціонування і розвитку науки у філософських концепціях видатного українського мислителя Сергія Борисовича Кримського, показується динаміка його поглядів на науку як культурний феномен.

Ключові слова: С.Б.Кримський, наука, культура. ціннісно-смысловий Універсум, практика, антропологічний вимір.

Вступ

У цьому році виповнилося б 85 років видатному українцю, філософу, громадському діячеві, Людині Сергію Борисовичу Кримському, який пішов у вічність п'ять років тому. Але чим далі відступає ця сумна дата, тим сильнішими стають почуття цієї втрати, адже його внесок у розвиток не лише української, але й світової філософської думки залишається невичерпним джерелом для багатьох поколінь науковців у різних галузях науки і філософії. Його спадщина є надзвичайно багатоманітною. Його творчість торкнулась майже всіх сфер суспільного буття, розвитку культури і всіх її проявів, людини як унікального феномену в Універсумі, історії й постісторії тощо.

Мені випало щастя впродовж останнього десятиліття життя Сергія Борисовича спілкуватися з ним не лише по роботі і в науковій діяльності, але і в приватному житті, що додавало наснаги, будило творчу думку, породжувало радісні почуття співпричетності до Події, до високого злету Розуму й Духовності, про які так багато писав і говорив С.Б.Кримський, і якими володів повною мірою.

Наші шляхи перетнулися вперше на Міжнародній науковій конференції, присвяченій ювілею М.О.Бердяєва, а потім він був моїм офіційним опонентом на захисті докторської дисертації, тема якої була пов'язана з особливостями розвитком науки на рубежі XX і XXI століть. Ще до офіційного опонування Сергій Борисович надавав мені цінні поради стосовно розгортання змісту дисертації і саме він звернув мою увагу на наукову діяльність як людиновимірну і

соціокультурну. Тому не випадковим було моє звернення в першу чергу до тих його праць, які стосувалися саме науки як феномену культури. Чотири роки С.Б.Кримський працював професором кафедри філософії Національного авіаційного університету, де вів роботу з аспірантами, виступав із прекрасними доповідями на Міжнародних наукових конференціях, які проводила наша кафедра, дарував радість спілкування викладачам і аспірантам нашої кафедри.

Найбільшою мірою наукова робота кафедри стосувалася трансформацій науки і вищої освіти в умовах інформатизації суспільства, її місця в культурі, процесів адаптації університету до нових викликів і запитів науки і культури. Сергій Борисович брав найактивнішу участь в обговоренні цих проблем, надавав поради стосовно філософського їх осмислення. Цим визначається і **мета даної статті**, в якій я хочу віддати глибоку шану і вдячність цій чудовій людині не лише з великим розумом, але і з великим та щирим серцем.

Основна частина

Однією з найбільш важливих праць С.Б.Кримського, присвячених проблемам науки, зокрема логіці наукового пізнання, стала монографія «Научное знание и принципы его трансформации», видана в 1974 році [1]. В ній досліджується широке коло питань, які стосуються логіки розвитку науки як культурного феномену. Тут чільне місце займають осмислення природи наукових понять, стилю наукового мислення і його ролі в розвитку науки на різних історичних етапах, проблеми інтер-